

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ —

С МОЖЕМ ли мы когда-нибудь покончить с этим злом?

Не впервые задавал этот мучительный вопрос бапак валикота¹, иначе говоря, мэр большого яванского города.

О каком городе идет речь — не столь важно. Не важен для нас и военный чин его мэра. Может быть, он даже гражданский человек, а не генерал сухопутных сил, как губернатор Большой Джакарты Али Садикин, и не полицейский полковник, как мэр Сурабаи Сукочо. Ведь всякое правило имеет свои исключения, хотя бы и немногочисленные.

Валикота достал из портфеля газету, вооружился очками и стал размеренно читать:

«Число людей, занятых поисками работы, растет, в то время как сфера применения труда не расширяется... Начиная с 1961 года и до сих пор ежегодный прирост населения в Индонезии составляет 2,8 процента, но увеличение производства достигает лишь 1,8 процента. Итак, население ежегодно возрастает на три миллиона человек, а численность рабочей силы — только на 1,3 миллиона. Это означает, что каждый год более миллиона людей приходит на рынок рабочей силы, который не в состоянии поглотить такую массу. Поэтому число безработных и полубезработных неуклонно растет.

По подсчетам, численность безработных в Индонезии составляет от двух до четырех миллионов, а полубезработных — 13 или 14».

— Кто же против этого спорит? Я встречал и более внушительные цифры, — с философским спокойствием ответил чиновник трансмиграционного ведомства. — Делаем, что в наших силах.

— Не обманываем ли мы себя всеми этими раскрашенными макетами, диаграммами? Разумеется, заезжаем иностранцу, который не удосужился отправиться дальше богородского ботанического сада, такую выставку показать можно...

Родственник не обиделся и посоветовал на прощание.

— А ты поразмысли и сделай такую же выставку у себя. Хотя бы для заезжих иностранцев.

Валикота вернулся домой и, поразмыслив, решил, что совет родича в принципе не столь уж бесполезен. Его город был центром одной из самых густонаселенных областей Явы. Отсюда периодически направлялись группы переселенцев на Калимантан. Люди ехали в этот обетованный край в организованном порядке, получая помощь от трансмиграционного ведомства. Ехали и сами по себе, на свой страх и риск, если удавалось собрать денег на дорогу. И все-таки этот поток трансмигрантов был жалким, жиденьким ручейком. Каких-нибудь несколько сотен семей за все последнее десятилетие. В городе не убавлялось, а росло число безработных и бездомных бродяг, росли ряды лачуг. Представители политических партий, члены местно-

го совета народных представителей нередко обращались к городским властям с запросом: что власти делают, чтобы смягчить остроту социальных проблем. На первых порах удавалось отделяться стереотипно уклончивыми ответами. Что, мол, поделаешь, если прежний «старый порядок», возглавляемый Сукарно, оставил такое тяжелое наследие.

И вот муниципальные власти позаботились о наглядной агитации. В одном из помещений мэрии вывесили большую карту индонезийского архипелага. От подсвеченного электрической лампочкой кружочка, обозначающего данный город, на север, к различным районам Калимантана, тянулись стрелки. На столах красовались изящные модели домиков, в каких должны были жить переселенцы. Схемы и диаграммы рассказывали о дальнейших планах трансмиграции. Валикота сам поднатаскал одного бойкого красноречивого парня из отдела информации. Тот, быстро усвоив уроки начальника, всорулся указкой и говорил о трансмиграции с пафосом, не хуже того столичного чиновника.

Теперь валикота выслушивал представителей политических партий и направлял их к бойкому информатору. Тот, барабана указкой по карте, словно тамбур-мажор гарнизонного полицейского оркестра по барабану, ораторствовал:

— Мы не скрываем правды. Результаты пока не столь грандиозны, как нам бы этого хотелось. Но мы стоим на правильном пути. Перед нами ясные перспективы.

Детище валикоты демонстрировали теперь наряду с другими достопримечательностями города: батиковой фабрикой, развалинами древнего шиваистского памятника, и иностранным гостям. На днях представился случай показать выставку одному заезжему западноевропейскому журналисту. Это был вполне благонадежный человек из вполне благонадежной страны, корреспондент крупной газеты, на которую часто ссылалась правая индонезийская печать.

Как только европеец появился в городе, заработала сложная машина специальных служб и ведомств. На следующее утро начальник безопасности доложил мэру, что корреспондент нанес протокольные визиты в гражданскую и военную информационные службы и вежливо, но настойчиво отклонил предложенные услуги. Он хотел бы сам ознакомиться с древними памятниками в окрестностях города, побеседовать с руководителями местных партийных организаций. Европеец остановился во второразрядном отеле «Сарасвати» без кондиционеров, — вероятно, скуповат. Вечером он пил пиво в баре отеля в компании голландца, протестантского пастора. А потом оба бродили по антикварным лавкам и спрашивали старинные крысы.

— Я полагаю, что гость не зловреден. Пусть себе смотрит памятники и покупает крысы, — сказал валикота, выслушав доклад.

— Я тоже так думаю, мас. Но для верности мы за ним присмотрим. Он намерен еще побывать в

¹ Бапак — папаша. Обращение к старшему по возрасту и по должности. Валикота — мэр.

ГОРЬКАЯ ЗЕМЛЯ

Л. ДЕМИН

деревнях и познакомиться с аграрной проблемой, а также собрать статистические данные о доходах и жизненном уровне городских ремесленников.

— Присмотрите, — согласился валикота. — Чорт бы побрал этих корреспондентов. Они всегда суют нос куда не следовало бы.

В день своего отъезда иностранный журналист был принят мэром города. Валикота был приятно польщен, когда гость на сносном индонезийском языке приветствовал его и поблагодарил за предоставленную возможность ознакомиться с городом и его окрестностями.

— Как вы находите наш город? — спросил мэр, протягивая гостю изящную резную шкатулку с яванскими сигарами. Гость не отказался от сигары и, затягиваясь, ответил с откровенной бесцеремонностью.

— Знаете ли, бапак, в этом городе со мной приключился маленький анекдотичный случай. Прошу администратора отеля достать для меня чернил. Из-за моего неважного индонезийского прононса администратор не совсем точно меня понял и вместо чернил привел прямо в мой номер уличную девицу. Ха-ха-ха... Слово «тинта», то есть чернила, звучит почти как «чинта» — любовь. Это услужливый малый даже огорчился, когда я объяснил ему, что мне нужно, и выпроводил его вместе с девицей. Хорошая завязка для газетного очерка. Не правда ли?

— Все это очень печально, — сказал, вздохнув, валикота. — Мы всеми силами боремся с нищенством, бродяжничеством, проституцией. Может быть, если вы приедете через десяток лет в наш город, вам не предложат гулящую девку.

Последнюю фразу валикота пытался произнести с наигранным оптимизмом. Однако это не удалось ему. Он ожидал новых подвохов. Этот западноевропейский писака вовсе не был так прост.

— Вот вы и расскажите, бапак, как вы намерены покончить со всеми вашими социальными бедами. Это очень интересно для меня.

— Что ж, извольте. Мы наметили четкий и определенный путь, — с достоинством ответил валикота и увлек гостя в соседнюю комнату, где размещалась выставка, посвященная планам трансмиграции. Он мог бы и сам прочитать лекцию по этому предмету, но решил, что это была бы слишком большая честь для какого-то самоуверенного газетчика. Пусть лекцию читает молодой чиновник информационного отдела. Валикота остался лишь в качестве слушателя, чтобы посмотреть, какое впечатление произведет на гостя задуманное им мероприятие. К мэру присоединился весь его штаб в лице помощников, начальники служб и отделов. Был вызван фоторепортер из местной газеты. Гость внимательно слушал лектора, не перебивая, и даже кое-что записывал в блокнот.

— У вас есть вопросы, туан? — обратился мэр к корреспонденту, когда молодой чиновник умолк.

— Какие могут быть вопросы, бапак? Я прослу-

шал отличную лекцию. Интересный план: освоение джунглей, осушение болот, новые красивые поселения переселенцев. Но я не вижу конкретных цифр, характеризующих реальность выполнения плана в ближайшие годы и десятилетия.

Чиновник информационной службы растерянно водил указкой по схемам, отыскивая спасительные цифры, как ученик у доски, не выучивший урок.

— Не утруждайте себя, — остановил его гость. — Все необходимые цифры при мне. Перед самой поездкой я детально ознакомился с вашим пятилетним планом экономического развития и просил компетентных индонезийских экономистов дать ему оценку. Некоторые из этих лиц убеждали меня в том, что план прежде всего ценен своей реальностью. Его составители якобы не стремились удивить мир грандиозным размахом проектов, не задавались целью ломать исторически сложившуюся традиционную структуру экономики, а планировали необходимый минимум.

— Совершенно верно, — согласился валикота. — Сохраняется аграрно-сырьевой характер нашей экономики. Предпочтение сельскому хозяйству, повышение его продуктивности, восстановление разрушенных временем и стихийными бедствиями ирригационных сооружений.

— Слышал я от ваших экономистов и опасения относительно реальности плана. Вы слишком полагаетесь на иностранную помощь. Что будет с вашим планом, если страны-кредиторы не проявят той щедрости, на которую вы рассчитываете, и не дадут новых кредитов? Ведь всякий кредитор когда-нибудь захочет не только давать займы, но и получать долги обратно. Разве не так? Ваши долги уже сейчас составляют...

— Два с небольшим миллиарда долларов, — подсказал валикота.

— Два с половиной, как писала недавно газета национальной партии «Сулух Мархаен», — уточнил корреспондент. — Но допустим, план будет полностью выполнен. Какой необходимый минимум мероприятий предусматривает он для решения сложных и болезненных социальных проблем?

— Большой раздел плана посвящен трансмиграции, — перебил валикота.

— За все пятилетие намечено переселить 120 тысяч семей, или примерно 620 тысяч человек. Население же вашей страны за пятилетие возрастет на 15–18 миллионов. Это значит, что проблемы занятости населения, продовольственного снабжения, аграрная станут еще острее. Согласны?

— У вас, как я вижу, цифры и факты на все случаи жизни, — грустно польстил гостю валикота.

— Цифры и факты убеждают меня в том, что трансмиграция в ваших условиях — дело хотя и полезное, но дорогостоящее. Она никак не может быть единственным путем преодоления социальных проблем. По-видимому, ее нужно сочетать с широкой индустриализацией, аграрной реформой, жестким режимом экономики. Армию вы, вероятно, не сократите. Не станет же ваш «новый порядок» рубить сук, на котором сидит. Да и с аграрной реформой у вас что-то дело не клеится.

— Вы рассуждаете так, как рассуждали наши коммунисты.

— Значит, кое в чем они правы. Не пугайтесь, бапак, по своим взглядам я либеральный католик, далекий от коммунизма. Я бы даже назвал себя умеренным антикоммунистом.

— Как понимать ваше определение «умеренный антикоммунист»? — вмешался присутствовавший здесь начальник службы безопасности.

— Это значит, что я не считаю коммунистов во всех случаях неправыми и не разделяю ваших методов борьбы с ними.

Бапак валикота поспешил деликатно перевести разговор на другую тему. Гость сам видел все трудности и контрасты большого города. Пусть же он объективно напишет об этом в своей газете. Городу не хватает электроэнергии, питьевой воды. Во время ливней каналы выходят из берегов и затопляют кампунги. У городского муниципалитета нет средств на расширение электростанции и водопроводной сети. Может быть, развитая западноевропейская страна, которую представляет гость, вложит свои инвестиции в городское хозяйство и поможет городу?

Гость пообещал написать самый объективный репортаж о своих впечатлениях. Что же касается вопроса об инвестициях, то это вне его компетенции.

Этот западный корреспондент и испортил настроение бапаку валиките. Начальник службы безопасности доложил ему, что гость сфотографировал не только шиваистские памятники и колонну героя, но и лагуны и скопища бродяг.

Презвжая теперь через главную площадь, украшенную по примеру других яванских городов колонной героя, валикота болезненно поморщился. Опять здесь ютились бездомные мусорщики. Женщины растоптали на траве выстиранные в канале лохмотья. Резвились совершенно голые ребятишки. Одна семья уже успела соорудить нечто вроде палатки из невообразимо ветхого полотна и, как видно, собиралась обосноваться здесь прочно.

Валикота выругался про себя. Сегодня же нужно принять меры, чтобы очистить от бродяг хотя бы площадь и прилегающие к ней кварталы, где находятся главные учреждения. Небось, приткий европеец сфотографировал и это.

Через некоторое время валикота собрал всех своих ближайших помощников. Он долго говорил о чести города и его традициях, вспомнил даже о боях с голландскими интервентами, происходившими в ближайших окрестностях два десятилетия назад. Потом он в осторожных выражениях заметил, что некоторые должностные лица забывают порой об этих традициях и позволяют всяким бездельникам портить внешний вид города, устраивать свои непотребные скопища чуть ли не под самыми окнами муниципалитета. Собственно говоря, это недоумок всех городских властей, в том числе и его, валикоты. Имена начальников полиции и военного гарнизона дипломатично не упоминались. Ссориться с полицейскими и военными властями валикота всегда избегал в силу выработавшегося инстинкта самосохранения. Ни тот, ни другой практически ему не подчинялись и всегда могли использовать поддержку влиятельных лиц в местном военном округе или в столичных штабах. И военным ничего не стоило бы добиться смещения неугодного мэра, если к тому же мэр не имел никакого чина.

Начальник полиции, молодой майор, принял, однако, упрек на свой счет и возразил:

— Бапаку известно, что мы с помощью войск гарнизона периодически чистим город от бродяг.

— Разве можно вычерпать воду из дырявого баркаса консервной банкой, — добавил начальник гарнизона, грузный подполковник с хмурым лицом.

Совещание перешло к вопросам финансовым. Из провинциального бюджета городу и области выделялась некоторая сумма на осуществление миграции. Сумма ни ахти какая. Все же можно было включить в число трансмигрантов до сотни семей из числа городских жителей. Следовало

обсудить, как лучше использовать выделенные средства.

— Вот и включим самых злостных бродяг и правонарушителей, — с армейской прямотой высказался подполковник. — Церемониться с ними и тратить время на агитирование нечего.

— Я не совсем согласен с вами, мас, — попытался возразить валикота.

— Как это не согласны? Разве не бродяги доставляют нам головную боль? Я не задумываюсь над тем, прельщает ли их эта обетованная земля. Я не исключаю возможности применить самые крутые меры принуждения к этим людям.

— Вы меня не так поняли, мас. Я хотел лишь дополнить ваши дельные мысли, — сказал примирительно валикота. — Пресса и радио должны широко осветить эту кампанию и оценить ее как проявление заботы «нового порядка» о народе. Желательны интервью с отзывчивыми в оптимистическом тоне.

— Я солдат и привык полагаться на силу штыка, а не слова, — сказал начальник гарнизона. — Но в принципе ваша идея, бапак, не повредит. Не попросить ли нам майора поделиться своими впечатлениями о жизни Калимантана. Ведь он отлично знает этот остров.

Начальник полиции много лет служил на Калимантане и лишь недавно был переведен на Яву в порядке повышения по службе и благодаря родственным связям. Поэтому он мог многое порассказать об этом крупнейшем острове архипелага.

Люди, мечтающие о новой жизни, о собственной земле, о рисе, добытом своим честным трудом, называют Калимантан землей обетованной. Столкнувшись с сюрпризами неведомого для них острова, трансмигранты назовут его горькой землей.

Природа Калимантана сурова и безжалостна к людям. Лесные даяки говорят, что это боги джунглей яростно противятся вторжению непрошенных пришельцев в их владения. Малярийные комары, прожорливые муравьи, скорпионы величиной с крупного рака и ядовитые змеи — еще не самые заклятые враги человека. Нужен титанический, почти нечеловеческий труд, чтобы отвоевать у джунглей небольшой участок земли, оросить его или, наоборот, удалить болотную влагу. Джунгли со всех сторон наступают на расширенный участок. Со стремительной быстротой вновь вырастает кустарник, расползаются цепкие лианы, пробивается сорная трава. Она особенно опасный враг для земледельца. Жесткая и острая, несъедобная для домашнего скота, она пускает глубокие корни. Сколько ни борись с ней, ни выкашивай ее крепким даякским ножом — парангом, она дает новые и новые ростки. Только огонь умерщвляет ее, но не надолго. Сорняк высасывает из почвы все питательные соки, лишает ее плодородия.

Допустим, удалось отвоевать землю у джунглей, и посевы не заглушило сорняками, не смыло разливом капризной мутной реки. Теперь на поля обрушивается новый враг — тикус. Полчища крыс-tikusов с ненасытной прожорливостью поедают созревшие колосья.

Конечно, техника и химия легко преодолевают все эти трудности. Мощный бульдозер справится с любым толстоствольным деревом, кустарником, сорняком и превратит непроходимую чащу в ровную, как столешница, площадку. Не надо далеко ходить за примерами. Русская техника пробивала холмы и джунгли, оставляя после себя широкую ленту шоссе-сейной дороги. С помощью химии можно было бы справиться и с тикусами, и со всеми другими вре-

дителями сельского хозяйства. Но у переселенцев нет ни бульдозеров, ни химии. У них вообще нет ничего, кроме собственных мускулов.

Начинается жестокий поединок человека с природой. Первым не выдерживает его тот, кто давно уже покинул деревню, утратил навыки крестьянского труда за многие годы бродяжничества, деклассировался. Скучное подъемное пособие и семенной рис давно проедены. Люди бросают землю и бегут в ближайший крупный город — Банджармасин, Понтианак, Самаринду, Баликпапан, в надежде найти там хоть какой-нибудь заработок. Хорошо, если поспаслившись стать временно портовым грузчиком или рабочим нефтяного промысла. Если не посчастливится — прежняя жизнь бездомного бродяги, городского люмпен-пролетария.

Власти Калимантана полагают, что успех трансмиграции мог бы быть обеспечен с созданием государственных механизированных станций. Но пока практически из этого ничего не получается. Даже и в этих условиях, по мнению властей, можно добиться частичного эффекта, если на новые земли будут направляться крестьяне, а не городские бродяги.

— Нас не должно волновать, что думают балаки на Калимантане, — высказал свое мнение начальник гарнизона, когда его полицейский коллега кончил свой рассказ. — Пусть они и ломают голову над тем, что делать с бродягами, как заставить их не разбегаться из джунглей. А у нас свои заботы.

Порешили включить в ближайшую партию трансмигрантов самых закоренелых бродяг, неоднократно попадавших в облавы. Если же эти люди не проявят должного энтузиазма, военное и полицейское начальство будет готово принять самые крайние меры. Получатся из таких трансмигрантов земледельцы или нет — пусть об этом думают власти Калимантана.

Читатель вправе спросить, а не сгустил ли автор краски, рассказывая о социальных проблемах большого яванского города. Правдоподобен ли обобщенный образ балаки валикоты? Чтобы рассеять у читателя всякие сомнения, обратимся к реальным, а не выдуманным, хотя бы и обобщенным фактам.

В декабре 1967 года я посетил Сурабаю, крупнейший после Джакарты индонезийский город, административный центр восточнояванской провинции. В моем дневнике сохранились подробные записи об этой поездке. Привожу выдержки из них.

13 декабря вместе с нашим генеральным консулом наносим визит к мэру города. Теперешний мэр, или валикота, как говорят индонезийцы, — полковник Сукочо. Это приветливый и довольно откровенный собеседник. Он производит впечатление мыслящего человека, искренне озабоченного проблемами Сурабаи.

Задаю вопрос:

— Какие наиболее серьезные проблемы приходится решать городскому муниципалитету?

Полковник Сукочо отвечает, что таких проблем много. В городе недостает жилищ, электроэнергии, питьевой воды. Река Сурабая и каналы, выходя из берегов, заливают некоторые районы города. От этого в первую очередь страдают бедняки кампунгов. Муниципалитет пытается бороться с наводнениями, углубляя реку и каналы, а также наводить в городе чистоту. На решение более сложных задач не хватает средств. Попытки привлечь иностранный капитал пока не увенчались успехом. Сфера городского хозяйства не сулит инвесторам таких выгод, как, например, добыча нефти или эксплуатация лесных богатств.

Далее мэр откровенно признал, что серьезным бедствием для народа является бродяжничество,

принявшее, к сожалению, массовые масштабы. В городе многие тысячи безработных. Они живут за счет всяких случайных заработков, чаще всего сбора бумажной макулатуры на свалках, или нищенствуют. Они ночуют целыми семьями под открытым небом, под мостами, навесами.

Бродяжничество полковник Сукочо объясняет перенаселенностью и нехваткой земли на Восточной Яве. По этой причине из деревень в крупные города идет непрерывный приток людей в поисках хоть какой-нибудь работы. Работу найти, естественно, не так уж просто, больше шансов пополнить ряды безработных.

Самое страшное в этой проблеме, подчеркнул мэр, что вчерашние крестьяне деклассируются, теряют трудовые навыки. Эти люди, отвыкшие от общественно полезного труда, уже неохотно принимаются за возделывание земли где-нибудь на Калимантане или Южной Суматре. Они предпочитают расчистке джунглей, суровой борьбе с природой образ жизни бродяги в ближайшем крупном городе.

Полковник, по-видимому, принадлежит к тем государственным деятелям, которые трезво отдают себе отчет, что одна трансмиграция, к тому же проводимая в столь ограниченных масштабах, не может решить всего комплекса проблем. Мэр убежденно говорил о роли индустриализации. Но чтобы ликвидировать безработицу в одной лишь Сурабае, нужно построить десятки крупных промышленных предприятий, которые привлекли бы десятки тысяч рабочих. На это нужны большие средства. Иностранцы предприниматели проявляют повышенный интерес к возможностям инвестировать свой капитал в первую очередь в сферу добычи полезных ископаемых, лесоразработок, рыболовства, то есть выкачки природных богатств страны. Сфера промышленности их интересует мало.

Примерно те же мысли высказал и губернатор Восточной Явы бригадный генерал Вийоно. Я посетил его, когда уже стало известно, что в ближайшее время он сдаст дела новому губернатору, Мохамеду Нуру, занимавшему до последнего назначения пост верховного администратора на Мадуре. Вот слова генерала Вийоно: только с помощью широкой и планомерной трансмиграции и индустриализации мы могли бы бороться с безработицей, безземельем, перенаселенностью. Но это требует больших средств, которых у нас нет.

МАЛАЙСКИЕ И ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*

Гремит барабан, а не знает, что пуст.

*

Если спокойны воды,
не думай, что крокодилов нет.